

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

УДК 338.2:340.13:342.5(470+571)
JEL: E01, K00, O11

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1493-1506>

А. И. ВОЛЫНСКИЙ¹,
М. С. КРУГЛОВА¹,
П. В. РОЖКОВ¹,
А. А. РУБИНШТЕЙН¹

¹ *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В РФ КАК МЕТОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ БАЗЫ LAWSTREAM.RU

Контактное лицо:

Волынский Андрей Игоревич, младший научный сотрудник, Институт экономики РАН
Адрес: 117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>

Круглова Мария Семеновна, младший научный сотрудник, Институт экономики РАН
Адрес: 117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: mashakruglova999@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8731-7702>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8171-2017>

Рожков Петр Валерьевич, старший лаборант, Институт экономики РАН
Адрес: 117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: peterrozkov@gmail.com

Рубинштейн Александр Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
Адрес: 117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: simplicio1@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4693-4277>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/N-4062-2017>

Цель: рассмотрение использования механизмов принятия законодательных решений в Российской Федерации как инструмента экономического регулирования на основе количественных данных базы LAWSTREAM.RU и подтверждение или опровержение гипотезы, согласно которой провалы в динамике темпов роста ВВП побуждают государственного регулятора к активизации нормотворчества.

Методы: абстрактно-логический, сравнения, корреляционный анализ.

Результаты: механизм принятия законодательных решений может и должен рассматриваться как инструмент реализации политики экономического регулирования. Эффективность реформ определяется тем, каким образом правительство как регулирующий экономическую систему орган использует имеющиеся механизмы принятия законодательных решений

в области регулирования экономики. В работе проанализированы институциональные аспекты проведения экономических реформ. Проводится сравнение количественной динамики вносимых на рассмотрение Государственной Думы и принимаемых ею законопроектов в сфере регулирования экономических отношений и динамики роста российского ВВП на временном отрезке 1994–2018 гг. Показана взаимосвязь между макроэкономической ситуацией и законодательной активностью в экономической сфере со стороны правительства и президента, подтверждена гипотеза о влиянии динамики темпов роста ВВП на законодательную активность президента и правительства в сфере регулирования экономики и финансов в случае резко отрицательных показателей для ВВП. Установлено, что пик активности государственного регулятора в нормативно-правовой сфере является реакцией системы в случае резко отрицательных показателей для ВВП.

Научная новизна: в статье впервые предпринята попытка сопоставления количественных показателей принятых законопроектов в области регулирования экономической сферы и динамики странового ВВП.

Практическая значимость: полученные авторами результаты полезны для описания модели законодательного воздействия российской исполнительной власти на экономическую среду с учетом текущих макроэкономических показателей.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; институциональный дизайн; экономические реформы; экономическая политика; законодательство РФ

Благодарность: работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00207).

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Волинский А. И., Круглова М. С., Рожков П. В., Рубинштейн А. А. Механизм принятия законодательных решений в РФ как метод экономического регулирования: на основе анализа количественных данных базы LAWSTREAM.RU // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1493–1506. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1493-1506>

A. I. VOLYNSKIY¹,
M. S. KRUGLOVA¹,
P. V. ROZHKOVA¹,
A. A. RUBINSTEIN¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MECHANISM OF MAKING LEGISLATIVE DECISIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A METHOD OF ECONOMIC REGULATION: BASED ON THE ANALYSIS OF QUANTITATIVE DATA OF LAWSTREAM.RU DATABASE

Contact:

Andrey I. Volynskiy, Junior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Address: 32 Nakhimovskiy prospect, 117218 Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41

E-mail: ava3003@hotmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>

Mariya S. Kruglova, Junior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Address: 32 Nakhimovskiy prospect, 117218 Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41

E-mail: mashakruglova999@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8731-7702>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8171-2017>

Petr V. Rozhkov, Senior laboratory Assistant, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Address: 32 Nakhimovskiy prospect, 117218 Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41

E-mail: peterrozkov@gmail.com

Alexander A. Rubinstein, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
Address: 32 Nakhimovskiy prospect, 117218, Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: rubinstein.alexander@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4693-4277>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/N-4062-2017>

Objective: to consider the use of legislative decision-making mechanisms in the Russian Federation as a tool of economic regulation on the basis of quantitative data of LAWSTREAM.RU database and to confirm or refute the hypothesis that the failures in the GDP growth dynamics encourage the state regulator to intensify rulemaking.

Methods: abstract-logical method, comparison, correlation analysis.

Results: the mechanism of legislative decision-making can and should be considered as a tool for the economic regulation policy implementation. The effectiveness of reforms is determined by the way in which the government, as the regulatory body of the economic system, uses the existing mechanisms of legislative decision-making in the field of economic regulation. The paper analyzes the institutional aspects of economic reforms. The authors compare the quantitative dynamics of the law drafts in the sphere of economic relations submitted to the State Duma and adopted by it, and the dynamics of the Russian GDP growth in 1994–2018. The correlation is shown between the macroeconomic situation and the legislative activity of the President and government in economic sphere; the hypothesis is confirmed about the influence of the GDP growth on the President and government's legislative activity in the sphere of economy and finance regulation in case of sharply negative GDP values. It is established that the peak of the state regulator's activity in the regulatory sphere is the system reaction to shock, expressed in a sharp drop in GDP growth.

Scientific novelty: the article is the first attempt to compare the quantitative indicators of the adopted law drafts in the sphere of economy regulation and the GDP dynamics.

Practical significance: the results obtained by the authors are useful for describing the model of legislative influence of the Russian executive authorities on the economic environment, taking into account the current macroeconomic indicators.

Keywords: Economics and national economy management; Institutional design; Economic reforms; Economic policy; Legislation of the Russian Federation

Acknowledgement: the work was carried out with the financial support of the Russian Fund for Basic Research (project No. 17-02-00207).

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Volynskiy A. I., Kruglova M. S., Rozhkov P. V., Rubinstein A. A. Mechanism of making legislative decisions in the Russian Federation as a method of economic regulation: based on the analysis of quantitative data of LAWSTREAM.RU database, *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 4, pp. 1493–1506 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1493-1506>

Введение

Целью предлагаемого исследования является определение на основе анализа количественных показателей роли законодательных механизмов как инструментов экономического регулирования в Российской Федерации. Мы предлагаем исходить из понимания того, что принимаемые законопроекты в сфере экономики могут быть оценены как нормативно-правовое закрепление программы экономических реформ, а процесс их принятия – как часть стратегии по их реализации¹.

Подобная нашей постановка вопроса базируется в теоретическом смысле на широчайшем спектре исследований и публикаций, созданных в русле теории институциональных изменений в той ее части, где она обращается к принципам и концепциям институционализма. Для отечественной научной традиции пионером в этой области выступил академик В. М. Полтерович:

мой правительствами государств. OECD определяет регулирование как «наложение правил правительством, подкрепленное применением штрафных санкций, которые специально предназначены для изменения экономического поведения отдельных лиц и фирм в частном секторе» [1], что, с нашей точки зрения, близко к пониманию теории и принципов экономических реформ.

¹ Отметим, что мы рассматриваем экономические реформы как случай политики экономического регулирования, реализуе-

именно в его трудах институциональная теория и теория реформ как институциональных изменений обрели свое смысловое единство (подробнее об этом см. [2]). Согласно определению В. М. Полтеровича, реформы – «это целенаправленное изменение институтов, предполагающее присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации» [3, с. 7]. Его исследования в этой области дали толчок к развитию целого ряда концепций: так называемых промежуточных институтов [4, 5]; институциональных ловушек [6]; концепции «нецелевого использования институтов» [7, 8]. Содержательное единство всех упомянутых теорий заключается в восприятии провалов реализации реформ как результата неправильного выстраивания систем стимулов и наказаний или ошибок в доведении информации о них до конечных реципиентов внедряемых в процессе реформ институциональных норм и правил поведения.

Отправной точкой российских исследований можно считать следующее: в качестве основного инициатора реформ, как правило, рассматриваются не просто действующие в среде агенты, но те из них, кто располагает определенными полномочиями в рамках компетенций, временно предоставленных им соответствующими государственными институтами. Здесь уместно привести в пример концепцию государства-плеймейкера, разрабатываемую коллективом авторов из Института экономики РАН. Она основана на призыве рассматривать государство не в качестве субъекта рыночного пространства, но как его организатора – так называемого плеймейкера, который является генератором соответствующих поведенческих нормативов в экономике [9, 10].

Западная традиция институциональной теории реформ, напротив, в этом вопросе менее однородна (подробнее см. [11]), в ней можно выделить два ключевых направления: с одной стороны, сходное и предшествовавшее российскому течение², согласно которому так называемый институциональный дизайн следует трак-

товать как «преднамеренную попытку изменения свода формальных и неформальных правил» [12, р. 149], с другой – работы Элинон Остром и ее последователей из блумингтонской школы. Она, напротив, полагала, что описание своего рода идеальных для любого типа сообществ и экосистем институтов – идея заведомо ложная, а целью реформаторов, напротив, должно быть внимание к местным традиционным институтам и их включение в более широкую нормативно-правовую институциональную среду [13, 14].

Идеи Элинон Остром о многовариантности институциональных комбинаций и признании того, что местные сообщества способны генерировать свои эффективные правила [15, с. 39], оказали влияние и на первое выделенное нами в западной традиции направление. Если в работах российских авторов можно встретить упоминания о том, что «в реальном мире нет совершенных институциональных условий, когда механизмы саморегулирования способны действовать безошибочно», что предопределяет обращение к государству как к единственному регулятору, имеющему возможность «принимать решения от имени общества» [9, с. 19], и оставляет, по нашему мнению, определенное пространство для «директивно-принудительного» характера проводимых реформ, то традиция широкого спектра западных исследований предполагает более гибкие формы взаимной интеграции нормативно-правовых формальных правил (*formal rules*) и неформальных (*informal restraints*) способов институционального устройства. В знаменитых восьми принципах институционального дизайна, предложенных Элинон Остром, рефреном звучит идея о необходимости определения локальных географических и количественных границ групп – адресатов реформ [13, pp. 149–153]. От точности определения границ будет зависеть успех в имплементации реформ – условия, без которого даже самый идеальный институт окажется лишь утопическим конструктом [18, р. 3]. Идея об определении правильных стратегий внедрения новых по отношению к привычным для агентов норм лежит в основе множества теорий, авторы которых в разные годы становились лауреатами Нобелевской премии по экономике. Это и сама Элинон Остром, и авторы теории экономических механизмов Лео Гурвиц, Роджер Майерсон и Эрик Маскин (подробнее о них см., например, [19]), и отчасти лауреаты 2019 г. Абхиджит Банерджи, Эстер Дюфло, Майкл

² Так, предшественником российской теории промежуточных институтов можно считать идею о *second-best institutions* [16, 17]. В обоих случаях под таковыми институтами понимаются те из них, что являются временным компромиссом между желаемым «целевым» институтом и существующими на конкретном хронологическом отрезке институциональными условиями реформируемой среды.

Кремер, чей «экспериментальный подход в борьбе с бедностью» подразумевает принцип определения локальных групп – адресатов реформ [20, 21].

Отдельный интерес для нас представляет концепция мезоинститутов, развиваемая Клодом Менаром [22–24]. Согласно ей, реализации реформаторских стратегий должно сопутствовать учреждение так называемых мезоинститутов, понимаемых как совокупность механизмов и учреждений, ответственных за внедрение новых норм и правил в институциональную среду и контроль за исполнением новых норм. Они своего рода буфер между институтами макроуровня (правительством, законодательным органом) и средой взаимодействий микроэкономических агентов. Упоминания о концепции мезоинститутов можно обнаружить и в российской экономической литературе [25, 26]. С нашей точки зрения обращение к ней важно именно в контексте российской традиции исследований по институциональной теории реформ, так как она позволяет построить мост между свойственной отечественным авторам позиции о реформах как процессе, запускаемом исключительно сверху и носящем односторонний характер³, и теми концепциями, в которых утверждается, что успех внедрения институтов будет зависеть и от правильного выстраивания систем выигрышей и штрафов для экономических агентов, и от учета (а не слома или трансформации) местных реалий и устоявшихся традиций.

Любая из стратегий реформ⁴ требует опоры ее инициаторов на возможности создания нормативно-правовой базы: экономическая новация со стороны

³ Отметим, что в том числе концепция «промежуточных институтов» подразумевает наличие неких целевых институтов, к восприятию которых авторы реформ хотят подготовить агентов, воспитав, посредством промежуточных институтов, необходимые поведенческие стандарты. Вероятно, склонность представителей российской интеллектуальной элиты, в том числе экономистов, именно к такого рода концепциям носит характер общемировоззренческий. В этом контексте процитируем высказывание А. С. Пушкина: «Правительство – все еще единственный европеец в России» [27, с. 362], также сошлемся на философа А. А. Ахиезера, описывавшего российскую историю как процесс «активного противостояния массового догосударственного сознания (в основном крестьянского) и той формы сознания, которая культивировалась непосредственно в системе государства, в правящем слое» [28].

⁴ В дальнейшем мы будем в большей степени исходить из понимания реальности российских реформ как следствия реализации модели государства-плеймейкера.

государства невозможна без принятия соответствующего ей закона. Основываясь на этом утверждении, скажем, что, будучи необходимым элементом в реализации проектов реформ, механизм принятия законодательных решений может и должен рассматриваться нами как инструмент реализации политики экономического регулирования. Как таковой он не может быть напрямую описан нами с позиций экономической теории, но, скорее, как проблема, находящаяся на стыке экономики, права и политики: сам принцип действия механизма определяется особенностями правового устройства государства и вместе с тем политическими реалиями страны: степенью лояльности парламента правительству, зависимости парламентариев от электоральных процессов и т. д.

Дорогу к непосредственно экономическому осмыслению проблемы открывает такое междисциплинарное направление, как «право и экономика» [29], или, в иных версиях, «конституционная экономика» [30], «экономика права» [31]. Истоки экономики права принято обнаруживать в трудах отцов неoinституциональной теории, в частности, в знаменитой работе Рональда Коуза о проблеме социальных издержек [32], в которой тот поставил вопрос о связи актов юридического урегулирования прав собственности и решения проблемы социальных издержек хозяйственной деятельности и высказал предположение о желательности понимания судами и судьями экономических последствий своих решений [32, с. 113]. На сегодняшний день число работ, созданных в русле экономики права, значительно, а ее ключевой вопрос можно охарактеризовать как выявление связи между судебным решением⁵ и будущим поведением агентов, каким образом оно повлияет на будущее распределение ресурсов и общественное благосостояние [29, с. 115].

Таким образом, изучение законодательных решений и их связи с экономикой и экономической политикой – идея не новая и имеет под собой широкие теоретические основания. Дальнейшее наше исследование будет построено следующим образом: мы обратимся к примерам рассмотрения российской

⁵ Следует оговориться, становление теории происходило в США и Великобритании, странах общего права (*common law*), где роль судебного решения как источника права принципиально выше, чем в римском праве.

законодательной среды с точки зрения ее влияния на экономику как с точки зрения качественного, так и количественного анализа, далее дадим обзор базы данных LAWSTREAM.RU и основанных на ней уже имеющихся исследований и, наконец, перейдем к изложению результатов своего исследования, построенного на сопоставлении данных по законодательным инициативам в области экономического регулирования и динамики роста ВВП. С нашей точки зрения, такое исследование позволит понять, при каких условиях и каким образом правительство, как регулирующий экономическую систему орган, использует имеющиеся механизмы принятия законодательных решений в области регулирования экономики.

Результаты исследования

1. Российское законодательство и экономика: качественные и количественные исследования

Вопрос о влиянии законодательства на экономику не предполагает односложного ответа. С одной стороны, можно сослаться на широкий круг исследований, в которых рассматривается связь между институциональными факторами (такими как гарантия прав собственности и соблюдения контрактов, фискальной политикой, режимами торговли и т. д.) и предпринимательской активностью. В частности, подобное исследование проводилось в отношении стран постсоветского пространства, в ходе которого подтвердилась гипотеза о положительном влиянии фискальной свободы (институциональный фактор, напрямую зависящий от законодательной среды) и финансовой стабильности на предпринимательскую активность [33].

С другой стороны, есть значительное число публикаций, в которых утверждается тезис о негативном влиянии российской законодательной среды и сопутствующих ей качественных характеристик на российскую экономику, прежде всего, на предпринимательскую среду. Так, А. В. Варварин, приводя примеры непоследовательного законодательного регулирования, повлекшего значительные издержки для предпринимателей, напоминает, что в ряде государств есть механизмы, предусматривающие компенсацию ущерба со стороны государства за ошибки в регулировании, тогда как в России основная масса издержек, возникающих вследствие просчетов государственного регулятора, ложится на бизнес-структуры [34, с. 7].

Указание на низкое качество и вместе с тем огромное количество принимаемых законопроектов можно считать общим местом для исследователей российской законодательной среды [35, 36], а негативное влияние некорректной регуляторной политики на экономику подтверждается рядом исследований, на основании которых можно заключить, что неэффективное регулирование повышает волатильность показателя темпов роста валового внутреннего продукта, а избыточное регулирование провоцирует рост издержек предприятий [37, 38].

«Реактивный характер законотворчества несет в себе существенные институциональные риски. Такое положение вещей не позволяет обеспечить должное планирование экономических реформ, приводит к загромождению законодательства слабо проработанными, взаимно противоречащими и несбалансированными нормами», – пишут авторы доклада «Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего» [35, с. 16], описывая влияние государственного регулирования на российскую экономику. Оценки качества принимаемых российским регулятором нормативных правовых актов, связываемые аналитиками с соответствующими количественными показателями, заставляют обратить внимание на количественные исследования динамики российского законодательства, в частности, на исследование П. Н. Павлова «Экономические факторы нормотворческой активности в России» [39]. Он исходит из идеи оценки государственного вмешательства в экономику через измерение характеристик нормотворческой активности государственных институтов и опирается на уже имеющиеся работы в данной области, в результате которых было доказано влияние количественных параметров нормативно-правовой базы на макроэкономическую динамику [40] и на динамику развития отдельных отраслей [41, 42]. Проведенный П. Н. Павловым анализ показал, что отрасли общественного сектора (здравоохранение, образование) подвержены более активному регулированию по сравнению с отраслями частного сектора. Также в отношении отраслей с большим объемом добавленной стоимости видна более высокая нормотворческая активность в сравнении с отраслями с более высоким уровнем валовой добавленной стоимости в расчете на фирму. Подводя итог, П. Н. Павлов делает вывод о том, что законодательное регулирование и прямой иму-

шествственный контроль со стороны государства в отношении методов управления отраслями российской экономики являются взаимозаменяемыми механизмами. Отметим также исследование «Статистический анализ федерального законодательства», подготовленное на основе базы «Гарант» [43]. В нем были подведены некоторые результаты количественных показателей российского законодательства, основой которых стало положение о постоянном росте количества принимаемых нормативных правовых актов.

2. База данных LAWSTREAM.RU и примеры анализа количественных данных

База данных LAWSTREAM.RU была создана сотрудниками Центра эволюционной экономики Института экономики РАН в 2008 г. Работы по ежегодному обновлению данных ведутся по настоящее время. Число информационных источников базы составляют два общедоступных ресурса: официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации⁶ и онлайн-версии справочной системы «Консультант плюс»⁷. Данные базы лежат в открытом доступе на сайте Института экономики РАН⁸, доступны для скачивания и последующей работы с ними. База охватывает период с 1994⁹ по 2018 г. и содержит статистические сведения, которые характеризуют законодательную активность таких субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, как президент, парламент, правительство, а также министерства и ведомства.

Результаты анализа данных базы легли в основу целого ряда исследований. В работе [44] была описана методика сбора данных в базе LAWSTREAM.RU, декларировалась основная цель исследования: получить количественные данные, характеризующие динамику институциональных изменений в современной России. В серии последующих исследований [45, 46] описаны результаты оценки количественных

данных по институциональным изменениям, выявлен эффект *path dependence* и экономии от масштаба в российской системе принятия законодательных решений. В работе [47] выявлен циклический характер в динамике законодательных процессов в России и его зависимость от президентских электоральных циклов¹⁰. В исследовании [48] нами впервые поставлен вопрос о рассмотрении механизмов принятия законодательных решений как инструментов институционального дизайна российской исполнительной власти. Показано, что средний срок прохождения через парламент законопроектов, инициированных правительством и президентом, существенно ниже аналогичного показателя для законов, инициаторами которых выступают сами парламентарии. Исходя из этого сделано предположение, что текущие характеристики системы принятия законов в российской политической системе таковы, что она является удобным для исполнительной власти инструментом проведения институциональных преобразований. Также необходимо упомянуть диссертационное исследование П. В. Худяева «Институциональные изменения в процессе самоорганизации экономики» [49], автор которого, опираясь на данные базы LAWSTREAM.RU, поставил вопрос о наличии корреляционной связи между динамикой темпов роста валового внутреннего продукта (далее – ВВП) и количеством принимаемых законов. Однако он исходил из предположения о наличии иной причинно-следственной связи: согласно П. В. Худяеву, динамика темпов роста количества принимаемых законов положительно влияет на показатель ВВП. Мы же, как будет показано ниже, исходим из предположения, что провалы в динамике темпов роста ВВП побуждают государственного регулятора к активизации нормотворчества. Эта гипотеза будет доказана или опровергнута нашим дальнейшим исследованием.

3. Динамика российского ВВП и законодательная активность органов власти

Далее мы представим результаты сравнения динамики российского ВВП на временном промежутке от 1994 до 2018 г. и динамики российского законодательства в сфере экономического регулирования.

¹⁰ К схожим выводам позднее, основываясь на данных базы «Гарант», пришли другие исследователи [43, с. 12].

⁶ URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b (дата обращения: 02.10.2019).

⁷ URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2019).

⁸ URL: <https://inecon.org/publikaczii/publikaczii/monitoring-zakonodatelstva-rossijskoj-federaczii-1994-2016.html> (дата обращения: 02.10.2019).

⁹ Отправной точкой выбран 1994 г. как первый год действия вступившей в силу в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации.

Наша гипотеза состоит в том, что падение роста ВВП в отдельные годы может положительно влиять на рост законопроектов в сфере экономики, инициируемых правительством и президентом, а также отрицательно влиять на средний срок принятия соответствующих законопроектов. Мы отталкиваемся от двух предпосылок: во-первых, положения о том, что механизм прохождения правительственных и президентских инициатив в российской политической системе работает наиболее удобным для исполнительной власти образом: ее законопроекты проходят через парламент в среднем быстрее собственно парламентских (об этом см. [48]), а во-вторых, наблюдения российских аналитиков, согласно которым «традиционной стала реакция органов государственной власти на события тяжелые и порой даже катастрофические (но при этом „повседневные“ с точки зрения своей правовой природы) в форме принятия федерального закона или иного регуляторного акта» [35, с. 15]. Исхо-

дя из сказанного, логичным будет предположить, что негативные факторы в экономике соответствующим образом влияют на законодательную динамику.

На рис. 1 представлен график динамики процентного роста ВВП России и процента законов в сфере экономики и финансов от общего числа принятых федеральных законов.

В большинстве случаев можно увидеть, что за пиковыми показателями падения темпов роста ВВП (1998, 2009, 2015 гг.) следует процентное повышение роста законов в сфере экономики и финансов от общего числа принимаемых федеральных законов. Хотя статистические тесты показывают слабую отрицательную связь в целом между ВВП и законодательным творчеством в сфере экономики (коэффициент корреляции: $-0,088$), однако по данным приведенного графика очевидно, что кризисы 1998, 2009 и 2015 гг. вызывали подъем законодательной активности на следующий год после года с пиковым показателем падения тем-

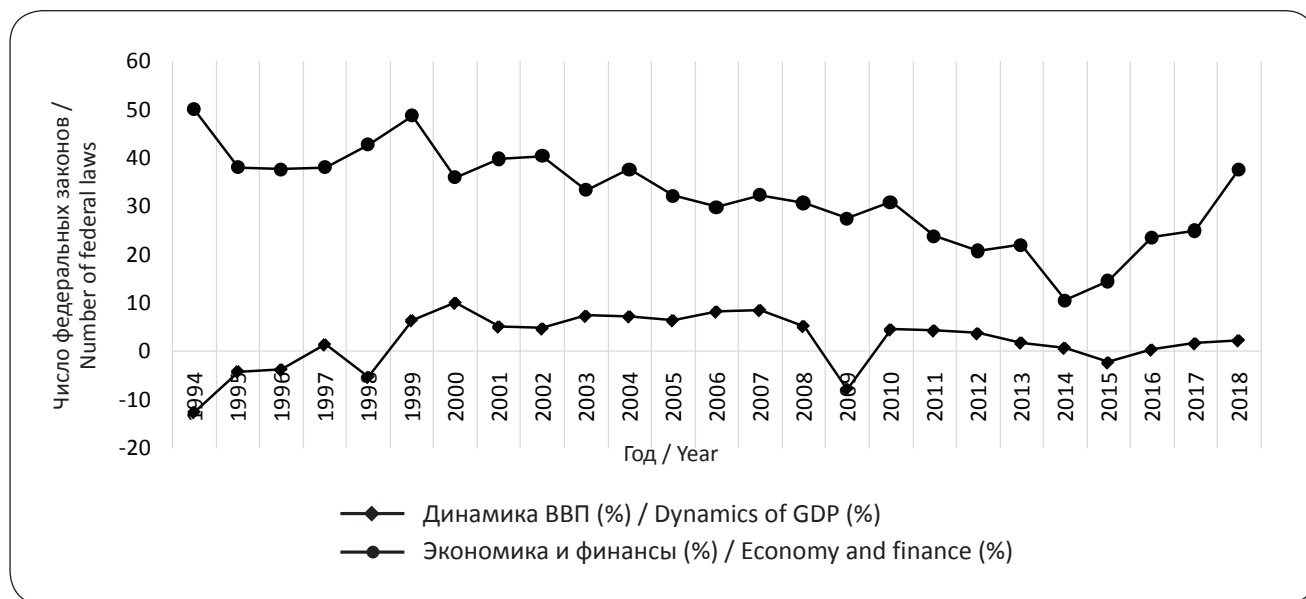

Рис. 1. Сравнение динамики ВВП России и доли законов в сфере экономики и финансов в общем числе принятых федеральных законов

Fig. 1. Comparing the dynamics of the Russian GDP and the share of laws in the sphere economy and finance in the total number of the adopted federal laws

Источник: здесь и далее динамика ВВП рассчитана по базе данных The World Bank (URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart> (дата обращения: 02.10.2019)); данные по российскому законодательству рассчитаны по базе данных LAWSTREAM.RU

Source: here and further the GDP dynamics is calculated by The World Bank database (available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart> (access date: 02.10.2019)); the data on the Russian legislation are calculated by the LAWSTREAM.RU database

пов роста ВВП. Так, в 1998 г. темпы роста российского ВВП резко сократились до отрицательного значения в -5,4 %, что привело к росту процентного показателя законов в сфере экономики и финансов от общего числа принятых федеральных законов: если в 1997 г. этот показатель равнялся 38 %, то в 1998-м он составил 42,7 %, а в 1999-м – 48,8 и сократился до 35,9 %, когда темпы экономического роста стабилизировались на уровне 10 % годового прироста. Чуть менее заметен эффект для 2009 г., когда темпы роста российского ВВП упали до отрицательного значения в -7,8 % годовых. В 2008 г. процент законов в сфере экономики и финансов составлял 30,6, в 2009-м сократился до 27,4, а в следующий после активной фазы кризиса год возрос до значений чуть выше показателя 2008 г. – до 30,8 %. В 2014 г. в российской экономике наметился

спад: 0,7 % годового прироста против 1,8 % годом ранее, в 2015-м спад стал более явным: темпы роста сократились до отрицательных значений в -2,2 %. Как эти годы выглядят в графике динамики показателя процента законов в сфере экономики и финансов от общего числа принятых федеральных законов? В 2014 г. процент таковых сократился по сравнению с предыдущим годом с 22 до 10,5 %, в 2015-м вырос до 14,5 %, а в 2016-м – до 23,5 %. Таким образом, во всех трех случаях мы можем наблюдать эффект влияния критического падения темпов роста ВВП на существенный всплеск доли принимаемых законодательных актов в сфере экономики и финансов.

На рис. 2 сопоставлены показатели динамики ВВП и среднего срока прохождения закона от внесения в Государственную Думу до принятия его Советом

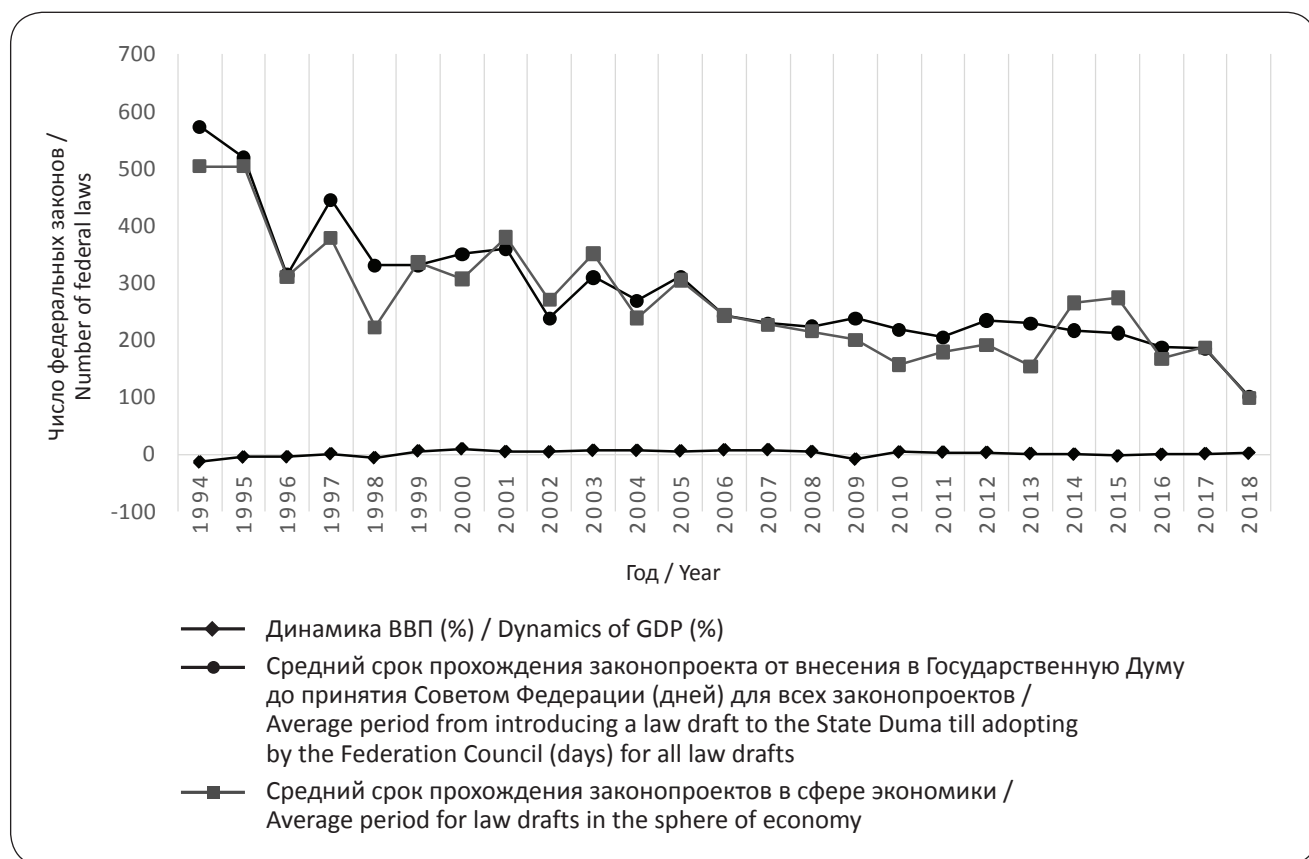

Рис. 2. Сравнение динамики ВВП и среднего срока прохождения законопроекта от внесения в Государственную Думу до принятия Советом Федерации (дней) для всех законопроектов и для законопроектов сфере экономики и финансов

Fig. 2. Comparing the dynamics of GDP and the average period from introducing a law draft to the State Duma till adopting by the Federation Council (days) for all law drafts and for law drafts in the sphere of economy and finance

Федерации по сферам регулирования. Мы видим, что в значительном числе случаев графики среднегодового для всех законов показателя сроков прохождения и для законов в сфере экономики примерно одинаковы, однако локальные минимумы для законов в сфере экономики ниже среднегодовых и приходится либо на год пикового падения ВВП, либо на следующий за ним.

Так, в 1998 и 1999 гг. показатель срока прохождения составил 222 и 336 дней соответственно против 378 дней в 1997 г. и 307 и 380 в 2000 и 2001 гг. соответственно. В 2009 и 2010 гг. срок составил 200 и 157 дней соответственно против 227 и 215 в 2007 и 2008 гг. и 179 в 2011 г. В 2015 и 2016 гг. срок составлял 274 и 167 дней, тогда как в 2014 г. – 265, в 2017 г. – 187 дней.

На рис. 3 мы сравниваем показатели динамики ВВП и процента законов в сфере экономики от общего числа инициируемых в году законопроектов для президента и правительства. В более яркой для правительственных инициатив и менее яркой для президентских форме мы видим связь между пиковыми падениями темпов роста ВВП и ростом доли инициированных ими законопроектов в сфере регулирования экономики.

Так, после кризисных 1998, 2009 и 2015 гг. рост доли экономических и финансовых законов (по сравнению с предыдущим годом) составил для правительства 19, 2 и 10 % соответственно, а для президента – 4, 6 и 7 % соответственно.

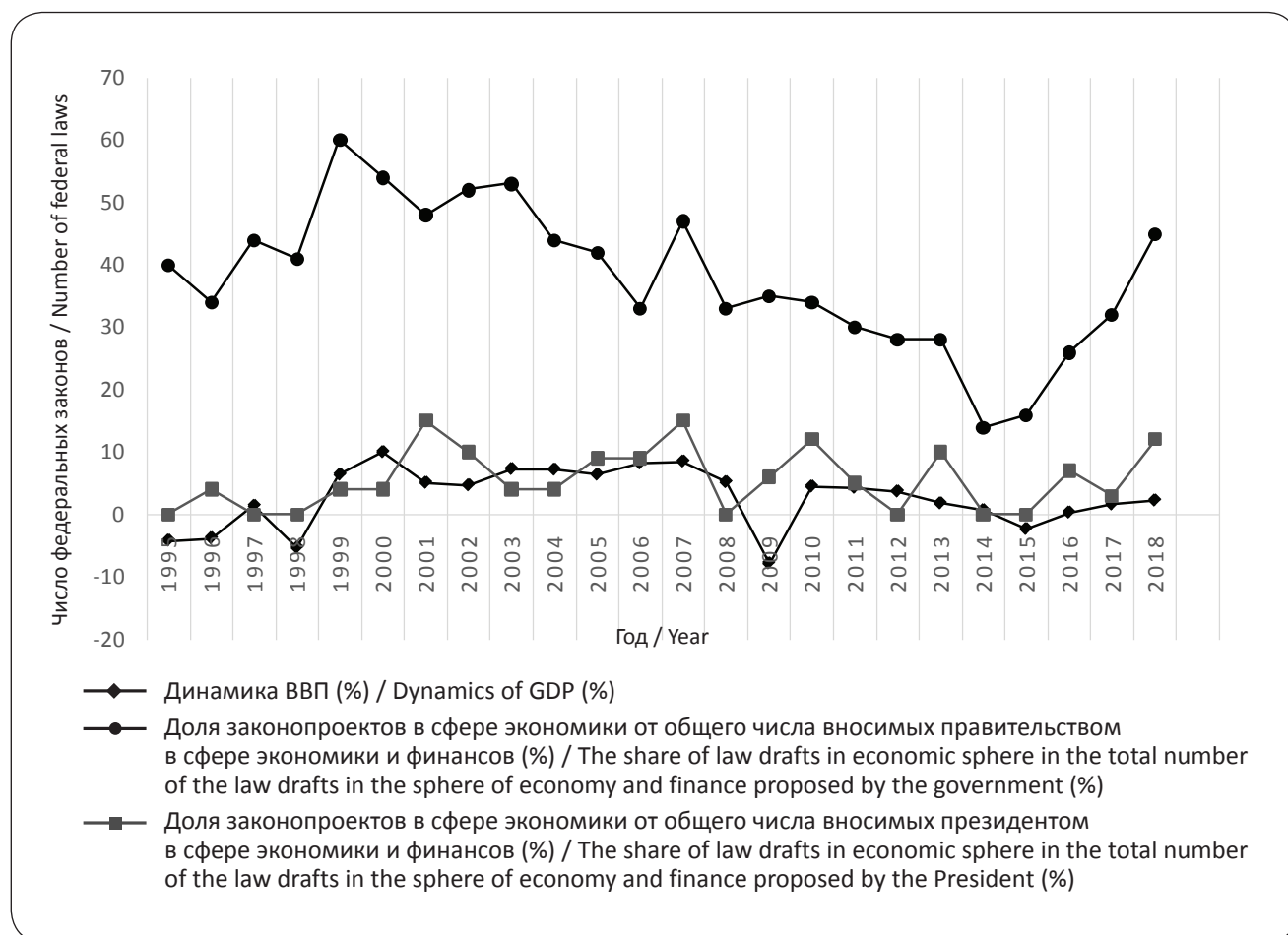

Рис. 3. Сравнение динамики ВВП и доли законопроектов в сфере экономики от общего числа вносимых президентом и правительством

Fig. 3. Comparing the dynamics of GDP and the share of law drafts in economic sphere in the total number of the law drafts proposed by the President and the government

Выводы

С нашей точки зрения, все три приведенных графика, с одной стороны, подтверждают тезис о том, что кризисные макроэкономические явления провоцируют всплеск нормотворческих инициатив в области экономического регулирования, с другой, они позволяют судить о закономерности в отношении принципов правительственного регулирования экономики в России. Как следует из анализа, пик активности государственного регулятора в нормативно-правовой сфере является реакцией системы на шоковые состояния, выражающиеся в резком падении темпов роста ВВП. С учетом той сравнительной легкости, с какой иницилируемые правительством законопроекты проходят через российский парламент,

правительство не только обладает инструментом для реализации необходимых изменений, но и активно применяет его в кризисных ситуациях. С нашей точки зрения, это косвенно свидетельствует об убежденности и российского общества, и российских элит в приемлемости модели государства-плеймейкера. Влияние макроэкономической ситуации на законодательную активность в экономической сфере со стороны государственного регулятора ощутимо в ситуациях пиковых падений показателя темпов роста ВВП, что со сдвигом в один год влияет на динамику законодательной активности. Таким образом, государственный регулятор стремится к нормализации экономической динамики посредством законодательного воздействия на экономику.

Список литературы

1. OECD Glossary of Statistical Terms – Regulation Definition. URL: <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=3295> (дата обращения: 02.10.2019).
2. Волинский А. И. Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // Terra economicus, 2018. Т. 16, № 4. С. 29–40.
3. Полтерович В. М. Современное состояние теории экономических реформ // Пространственная экономика, 2008. № 2. С. 6–45.
4. Полтерович В. М. Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ: Препринт WP10/2007/08. М.: ГУ – ВШЭ, 2007. 24 с.
5. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ // Центр стратегических разработок. 2017. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (дата обращения: 02.10.2019).
6. Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.
7. Верников А. В. Нецелевое использование института на примере страхования банковских вкладов в России // Банковское дело. 2018. № 6. С. 34–39.
8. Полищук Л. И. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–44.
9. На пути к новой экономической теории государства / О. И. Ананьин, М. И. Воейков, Г. Д. Гловели и др. М.: ИЭ РАН, 2018.
10. Городецкий А. Е., Рубинштейн А. Я. Некоторые аспекты экономической теории государства. М.: ИЭ РАН, 2017.
11. Круглова М. С. Теория институционального дизайна: от поиска идеальных институтов к работам блумингтонской школы // Terra economicus. 2018. Т. 16, № 4. С. 17–28.
12. Klijn Erik Hans, Koppenjan Joop. Institutional design: Changing institutional features of networks // Public Management Review. March. 2006. Vol. 8. Is. 1. Pp. 141–160.
13. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge University Press, 1990.
14. Ostrom E. A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems // Science. 2009. № 325 (5939). Pp. 419–422.
15. Капелюшников Р. И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике – 2009 // Экономический журнал ВШЭ. 2010. № 14 (1). С. 12–69.
16. Coram B. T. Second best theories and the implications for institutional design // The Theory of Institutional Design / ed. R. E. Goodin. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. Pp. 90–125.
17. Rodrik Dani. Second-best institutions // NBER Working Paper No. 14050. June 2008.
18. Hurwicz L. But Who Will Guard the Guardians? // University of Minnesota working paper. 1998.
19. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007 г.) / С. Измаков, К. Сонин, М. Юдкевич // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 4–26.

20. Truth-telling by Third-party Auditors and the Response of Polluting Firms: Experimental Evidence from India / E. M. Duflo, R. Pande Greenstone, N. Ryan // *The Quarterly Journal of Economics*. 2013. Pp. 1499–1545.
21. Duflo E. The Economist as Plumber // NBER Working Paper No. 23213 March 2017.
22. Menard C. Research Frontiers in New Institutional Economics. *Revista de Administração // Management Journal*, Elsevier. 2018. № 53 (1). Pp. 3–10.
23. Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions / C. Menard, A. Jimenez, H. Tropp // *Water International*. № 2018. 43(1). Pp.13–33.
24. Menard C. Embedding organizational arrangements: towards a general model // *Journal of Institutional Economics*. 2014. № 10 (4). Pp. 567–589.
25. Круглова М. С. Теория мезо-институтов Клода Менара и ее использование в институциональном дизайне // *Journal of Institutional Studies*. 2018. Т. 9, № 3. С. 49–57.
26. Шаститко А. Е. Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // *Вопросы экономики*. 2019. № 5. С. 5–25.
27. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10: Письма, 1831–1837 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
28. Ахиезер А. С. Россия как большое общество. 1991 // *Вопросы философии*. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=55 (дата обращения: 02.10.2019).
29. Гаджиев Г. А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // *Вестник гражданского права*. 2017. Т. 17, № 6. С. 108–173.
30. Конституционная экономика / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2010. 256 с.
31. Одинцова М. И. Экономика права: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 345 с.
32. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство. 2007. 224 с.
33. Борисов С. Р., Квитко С. А. Влияние институциональных факторов на активность предпринимателей в странах постсоветского пространства // *Бизнес. Общество. Власть*. 2018. № 28. С. 97–113.
34. Варварин А. В. Механизмы отстаивания корпоративных интересов в органах государственной власти // *Бизнес. Общество. Власть*. 2019. № 31. С. 7–11.
35. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего. М.: Центр стратегических разработок, 2018. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/REGULYATORNAYA-POLITIKA-V-ROSSII_INTERNET.pdf (дата обращения: 02.10.2019).
36. Осипов М. Ю. Качество российского законодательства как ключ к повышению его эффективности // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10, № 4. С. 88–95. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.4.88-95
37. Regulation and Macroeconomic Performance / N. V. Loayza, A. M. Oviedo, L. Servén // *Policy Research Working Paper*. No. 3469. World Bank, Washington, DC, 2004. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/8953?show=full> (дата обращения: 02.10.2019)
38. Regulation and growth / S. Djankov, C. McLiesh, R. M. Ramalho // *Economic Letters*. 2006. Vol. 92, Is. 3. Pp. 395–401.
39. Павлов П. Н. Экономические факторы нормотворческой активности в России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 2. С. 39–70.
40. Dawson J., Seater J. Federal Regulation and Aggregate Economic Growth // *Journal of Economic Growth*. 2013. Vol. 18, № 2. Pp. 137–177.
41. Coffey B., McLaughlin P., Peretto P. The Cumulative Cost of Regulations // *Mercatus Research Paper*. April 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2869145> (дата обращения: 02.10.2019).
42. Malone T., Chambers D. Quantifying Federal Regulatory Burdens in the Beer Value Chain // *Agribusiness*. 2017. Vol. 33, № 3. Pp. 466–471.
43. Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства. М.: Центр стратегических разработок, 2017. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-po-zakonoproektam.pdf (дата обращения: 02.10.2019)
44. База данных LAWSTREAM.RU: Количественные оценки институциональных изменений / С. Г. Кирдина, А. А. Рубинштейн, И. В. Толмачева. М.: ИЭ РАН. 2009.
45. Российская модель институциональных изменений: опыт эмпирико-статистического исследования / С. Г. Кирдина, И. Л. Кирилук, А. А. Рубинштейн, И. В. Толмачева // *Вопросы экономики*. 2010. № 11. С. 97–114.
46. Кирдина С. Г., Рубинштейн А. А. Эффекты path dependence и экономии от масштаба в российском законодательстве // *Вопросы экономики*. 2014. № 11. С. 58–82.

47. Волинский А. И., Круглова М. С. Циклы законодательного процесса в России: политологический анализ // Социально-политические науки. 2016. № 1. С. 11–19.
48. Законодательные механизмы в РФ как инструмент институционального дизайна: на материалах анализа количественных данных базы LAWSTREAM.RU / А. И. Волинский, М. С. Круглова, П. В. Рожков, А. А. Рубинштейн // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2 (3). С. 91–100.
49. Худяев П. В. Институциональные изменения в процессе самоорганизации экономики: дис. ... канд. экон. наук. Улан-Удэ, 2016.

References

1. OECD Glossary of Statistical Terms – Regulation Definition, available at: <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=3295> (access date: 02.10.2019).
2. Volynskii A.I. Institutional design and theory of reforms in the Russian economic discourse, *Terra economicus*, 2018, Vol. 16, No. 4, pp. 29–40 (in Russ.).
3. Polterovich V. M. Modern state of the theory of economic reforms, *Prostranstvennaya ekonomika*, 2008, No. 2, pp. 6–45 (in Russ.).
4. Polterovich, V. M. *Strategies of institutional reforms, or The art of reforms*, Preprint WP10/2007/08, Moscow, GU – VShE, 2007, 24 p. (in Russ.).
5. *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*, Tsentr strategicheskikh razrabotok, 2017, available at: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (access date: 02.10.2019). (in Russ.).
6. Polterovich, V. M. Institutional traps: is there a way out?, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2004, No. 3, pp. 5–16 (in Russ.).
7. Vernikov, A. V. Misuse of an institution by the example of ensuring bank deposits in Russia, *Bankovskoe delo*, 2018, No. 6, pp. 34–39 (in Russ.).
8. Polishchuk, L. I. Misuse of institutions: causes and consequences, *Voprosy ekonomiki*, 2008, No. 8, pp. 28–44 (in Russ.).
9. Anan'in O. I., Voeikov M. I., Gloveli G. D., Gorodetskiy A. E., Grinberg R. S., Rubinstein A. Ya. *On the way to a new economic theory of state*, ed. A. Ya. Rubinshtein, Moscow, IE RAN, 2018 (in Russ.).
10. Gorodetskiy A. E., Rubinstein A. Ya. *Some aspects of the economic theory of state*, Moscow, IE RAN, 2017 (in Russ.).
11. Kруглова М. С. Theory of institutional design: from searching ideal institutions to the works by Bloomington school, *Terra economicus*, 2018, Vol. 16, No. 4, pp. 17–28 (in Russ.).
12. Klijn Erik Hans, Koppenjan Joop. Institutional design: Changing institutional features of networks, *Public Management Review*, March, 2006, Vol. 8, Is. 1, pp. 141–160.
13. Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*, Cambridge University Press, 1990.
14. Ostrom, E. A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems, *Science*, 2009, No. 325 (5939), pp. 419–422.
15. Kapelyushnikov R. I. Multiplicity of economic worlds: – 2009 Nobel Prize in Economics, *Ekonomicheskii zhurnal VShE*, 2010, No. 14 (1), pp. 12–69 (in Russ.).
16. Coram B.T. Second best theories and the implications for institutional design, Goodin R. E. (ed.). *The Theory of Institutional Design*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 90–125.
17. Rodrik Dani. Second-best institutions, *NBER Working Paper*, 2008, No. 14050, June.
18. Hurwicz L. But Who Will Guard the Guardians?, *University of Minnesota working paper*, 1998.
19. Izmalkov S., Sonin K., Yudkevich M. Theory of economic mechanisms (2007 Nobel Prize in Economics), *Voprosy ekonomiki*, 2008, No. 1, pp. 4–26 (in Russ.).
20. Duflo E., Greenstone M., Pande R., Ryan N. Truth-telling by Third-party Auditors and the Response of Polluting Firms: Experimental Evidence from India, *The Quarterly Journal of Economics*, 2013, pp. 1499–1545.
21. Duflo E. The Economist as Plumber, *NBER Working Paper*, 2017, No. 23213 March.
22. Menard C. Research Frontiers in New Institutional Economics. *Revista de Administração, Management Journal, Elsevier*, 2018, No. 53 (1), pp. 3–10.
23. Menard C., Jimenez A., Tropp H. Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions, *Water International*, 2018, No. 43 (1), pp. 13–33.
24. Menard C. Embedding organizational arrangements: towards a general model, *Journal of Institutional Economics*, 2014, No. 10 (4), pp. 567–589.
25. Kруглова М. С. Theory of meso-institutions by Claude Menard and using it for institutional design, *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol. 9, No. 3, pp. 49–57 (in Russ.).

26. Shastitko A.E. Meso-institutions: multiplying entities or developing the program of economic research?, *Voprosy ekonomiki*, 2019, No. 5, pp. 5–25 (in Russ.).
27. Pushkin A. S. *Collection of works in 10 volumes*, Vol. 10: Letters, 1831–1837, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962 (in Russ.).
28. Akhiezer A. S. Russia as a large society. 1991, *Voprosy filosofii*, available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=55 (access date: 02.10.2019) (in Russ.).
29. Gadzhiev G. A. Legitimizing the ideas of “Law and Economy” (new cognition structures for civil law), *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, Vol. 17, No. 6, pp. 108–173.
30. *Constitutional economy*, ed. G. A. Gadzhiev, Moscow, Yustitsinform, 2010. 256 p. (in Russ.).
31. Odintsova, M. I. *Economy of law: tutorial for Bachelor and Master courses*, M., Yurait, 2018, 345 p. (in Russ.).
32. Coase R. *Firm, market, and law*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 224 p. (in Russ.).
33. Borisov S. R., Kvitko S. A. Influence of institutional factors on activity of entrepreneurs in post-Soviet countries, *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 2018, No. 28, pp. 97–113 (in Russ.).
34. Varvarin A. V. Mechanisms of assertion of corporate interests in state authorities, *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 2019, No. 31, pp. 7–11 (in Russ.).
35. *Regulatory policy in Russia: key trends and architecture of the future*, Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok, 2018, available at: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/REGULYATORNAYA-POLITIKA-V-ROSSII_INTERNET.pdf (access date: 02.10.2019) (in Russ.).
36. Osipov M. Yu. Quality of the Russian legislation as a key to increasing its efficiency, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, Vol. 10, No. 4, pp. 88–95 (in Russ.). DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.4.88-95
37. Loayza N. V., Oviedo A. M., Servén L. Regulation and Macroeconomic Performance, *Policy Research Working Paper*, No. 3469, World Bank, Washington, DC, 2004, available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/8953?show=full> (access date: 02.10.2019).
38. Djankov S., McLiesh C., Ramalho R. M. Regulation and growth, *Economic Letters*, 2006, Vol. 92, Is. 3, pp. 395–401.
39. Pavlov P. N. Economic factors of law-making activity in Russia, *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2019, No. 2, pp. 39–70 (in Russ.).
40. Dawson J., Seater J. Federal Regulation and Aggregate Economic Growth, *Journal of Economic Growth*, 2013, Vol. 18, No. 2, pp. 137–177.
41. Coffey B., McLaughlin P., Peretto P. The Cumulative Cost of Regulations, *Mercatus Research Paper*, April 2016, available at: <https://ssrn.com/abstract=2869145> (access date: 02.10.2019).
42. Malone T., Chambers D. Quantifying Federal Regulatory Burdens in the Beer Value Chain, *Agribusiness*, 2017, Vol. 33, No. 3, pp. 466–471.
43. Tkachenko N. M. *Statistical analysis of federal legislation*, Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok, 2017, available at: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-po-zakonoproektam.pdf (access date: 02.10.2019) (in Russ.).
44. Kirdina S. G., Rubinstein A. A., Tolmacheva I. V. *LAWSTREAM.RU database: Quantitative estimations of institutional changes*, Moscow, IE RAN, 2009 (in Russ.).
45. Kirdina S. G., Kirilyuk I. L., Rubinstein A. A., Tolmacheva I. V. The Russian model of institutional changes: an empirical-statistical research, *Voprosy ekonomiki*, 2010, No. 11, pp. 97–114 (in Russ.).
46. Kirdina S. G., Rubinstein A. A. Effects of path dependence and economy on scale in the Russian law-making, *Voprosy ekonomiki*, 2014, No. 11, pp. 58–82 (in Russ.).
47. Volynskii A. I., Kruglova M. S. Cycles of legislative process in Russia: politological analysis, *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 2016, No. 1, pp. 11–19 (in Russ.).
48. Volynskii A. I., Kruglova M. S., Rozhkov P. V., Rubinstein A. A. Legislative mechanisms in Russia as a tool of institutional design: by the analysis of quantitative data of LAWSTREAM.RU database, *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 2018, No. 2 (3), pp. 91–100 (in Russ.).
49. Khudyaev P. V. *Institutional changes under self-organization of economy*, PhD (Economics) thesis, Ulan-Ude, 2016 (in Russ.).

Дата поступления / Received 30.10.2019

Дата принятия в печать / Accepted 02.12.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2019

© Вольнский А. И., Круглова М. С., Рожков П. В., Рубинштейн А. А., 2019
© Volynskiy A. I., Kruglova M. S., Rozhkov P. V., Rubinstein A. A., 2019